

СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕД 415

Л 431

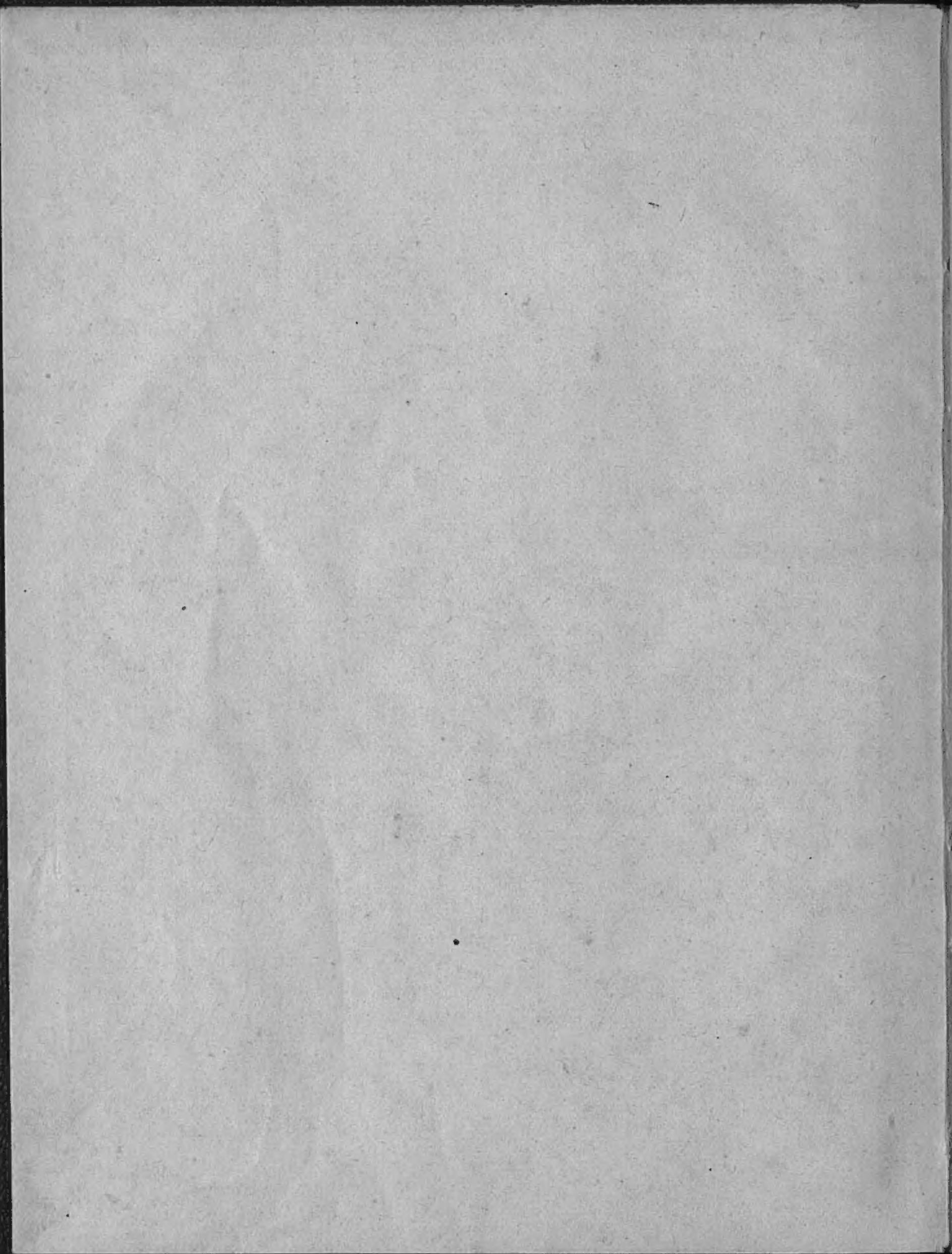

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. В. 10.

ЕД 415

Л 431

6 К 4

Г. ЗИНОВЬЕВ.

В. И. ЛЕНИН-ГЕШИИ,
УЧИТЕЛЬ, ВОЖДЬ И ЧЕЛОВЕК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД,

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

Проспект 25 Октября, № 28, „Дом Книги“

Телефоны 1-32-44, 5-70-14

Ленинградское Отделение Государственного Издательства, в целях увековечения памяти Владимира Ильича Ленина, поставило себе задачей на первое время издать серию небольших популярных брошюр о Ленине, как написанных до смерти Владимира Ильича, так и изданных после его кончины.

Брошюры эти, небольшого размера, печатаются крупным шрифтом, в хорошей художественной обложке, применительно к тексту брошюры. Отдельные серии брошюр, посвященных смерти Ленина и похоронам его, включают в себе последние снимки, сделанные в Колонном Зале Дома Союзов в Москве.

Кроме того, для ознакомления самых широких слоев рабочих и крестьян с некоторыми произведениями Владимира Ильича из полного собрания его сочинений взяты наиболее характерные для Ильича статьи, каковые издаются отдельными брошюрами.

Для того чтобы увековечить облик Владимира Ильича для всего мира, приступлено к изданию различных художественных портретов Владимира Ильича. Работают: Чехонин, Верейский, Белуха и др. известные ленинградские художники.

Кроме того, готовятся к изданию различные открытки с изображением Ильича как прижизненные, так и посмертные.

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б.10

ЕД 415

Г. ЗИНОВЬЕВ

Л 431

X

В. И. ЛЕНИН

**ГЕНИЙ, УЧИТЕЛЬ,
ВОЖДЬ И ЧЕЛОВЕК**

(Речь на заседании Ленинградского Совета,
7 февраля 1924 г.)

Издание 2-ое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1924

~~$$\begin{array}{r} 1426 \\ 20 \\ \hline 2852 \\ 20 \\ \hline 2872 \end{array}$$~~

1057820

I. МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНА.

Товарищи! Уже около месяца прошло с того дня, как Владимир Ильич закрыл навеки глаза. За эти несколько недель каждый из нас стал старше на добрых двадцать лет.

Понесенная нами утрата принадлежит к числу тех, которые едва ли смягчатся даже все сглаживающим временем. Не подлежит сомнению, что на всем протяжении дальнейшего пути, как нашего, так и следующих за ним поколений рабочего класса, мы будем на каждом повороте, ощущать с острою болью эту жестокою потерю. Как в минуты тяжелых поражений, все, до одного, трудящиеся будут вспоминать о том, кто лучше и легче всех мог бы вывести их из злой беды, так и в час торжества их дела они будут с горечью думать о том, что уже нет впереди них того, кто заложил основу их победы.

Товарищи! Говорить о Владимире Ильиче — значит говорить о судьбах нашей великой страны, о двух войнах и трех революциях, которые она пережила за последние десятилетия, о переломных годах, намети-

вших грань целой эпохи, о трехсотлетнем рабстве, еще совсем недавно отошедшем в прошлое. Больше того: говорить о Ленине — значит говорить о борьбе международного рабочего класса за свое освобождение, об империалистической войне и о брошенных ею повсюду семенах пролетарской революции, о начале восстания угнетенных народов; это значит — говорить о том новом человечестве, о той новой эре, свидетелями и современниками которой являемся мы все. Словом, говорить о Владимире Ильиче в настоящую минуту — очень трудно.

Мне уже пришлось однажды с этой же трибуны подробно изложить биографию Владимира Ильича. Это было в 1918 г., когда он начал оправляться от тяжелой раны, нанесенной ему отравленной эс-эровской пулей. Это было в то время, когда при известии о том, что Владимир Ильич был на пути к выздоровлению, у всей трудящейся России вылетел вздох облегчения от сознания, что мы вырвали нашего вождя из цепких объятий смерти. Это было в момент, когда он возвращался в наши ряды, и у нас учащенно бились от радости сердца.

А теперь?!

Мы знаем, товарищи, что в широких народных кругах ныне интересуются не столько той ролью, которую Владимир Ильич сыграл в истории нашей партии и первой революции, в деле организации, скажем первой революционной газеты «Искра» или на втором съезде партии; мы знаем, что народ интере-

суется гораздо больше тем, как Владимир Ильич жил, и разными отдельными штрихами и эпизодами из его повседневного существования. Есть люди, которых занимают даже такие подробности, как квартирная обстановка Владимира Ильича, и вопрос о том, курил ли он. Одним словом, народ интересуется всем тем, что создает в его воображении не только образ учителя и вождя, но и лик человека. И я знаю, поэтому, заранее, товарищи, что беру на себя непосильную и почти невыполнимую задачу — сказать в немногих словах о том, чем был Владимир Ильич для международного рабочего класса и — теперь об этом можно говорить громко и смело — для всего нового человечества.

Ильич был могуч, как океан. Врагам нашим он был так же страшен, как тот суровый 27-градусный мороз, при котором мы опускали в могильный склеп его останки. Он умел быть для враждебного ему мира, для буржуазии и социал-предателей неприступным и грозным, как Монблан. Но, в то же время, каким близким, ласковым и доступным умел он быть для каждого рабочего и труженика, с которыми ему приходилось встречаться на своем жизненном пути. Сынов нашего класса он умел согревать, как теплое южное солнце, лучами своей великой любви. Он был товарищем, в полном и подлинном смысле этого слова, оправдывая высказанное несколько лет тому назад Горьким мнение, что это слово — символ нового человечества. Да, Владимир Ильич умел быть

товарищем в этом отныне великом значении этого слова, будучи нам в то же время и учителем, и братом, и вождем, и другом.

Вместе с тем, Владимир Ильич никогда не старался подлаживаться к массе и никогда не принижал своих идей к уровню ее предрассудков, от которых она несвободна. Будучи ей близким и родным, в самом лучшем смысле этого слова, он видел свою задачу в том, чтобы поднимать массу к пониманию тех великих задач, знаменосцем, провозвестником и пророком которых он был.

Владимир Ильич стал лицом историческим уже давно. Все мы, работавшие под его ближайшим руководством, не всегда отдавали себе в этом отчет. Мы очень высоко ценили его личность, но мы все же недооценивали ее. Так бывает, когда стоишь слишком близко к высокой горе: не видишь ее истинных размеров и постигаешь их лишь тогда, когда отойдешь на некоторое расстояние.

Можно сказать, что за последние десять лет почти каждый шаг Владимира Ильича приводил в движение миллионы людей во всем мире.

Когда Владимир Ильич, 3-го апреля 1917 года, приехал в наш город и произнес десятиминутную речь с броневика на площади у Финляндского вокзала, в тот день сразу же дрогнула вся Россия; в тот день вся буржуазия в нашей стране и во всем мире грозно ошетинилась против него, сразу почувствовав в его лице смертельного врага; но в тот же день громадная

рабоче-солдатская масса, которую пытались восстановить против Владимира Ильича, сразу поняла, своим чутьем истинных сынов народа, что к ней приехал ее вождь, лучший друг и верный руководитель. И с тех пор почти каждое выступление Владимира Ильича становится мировым событием. В течение мая — июня 1917 года, и в Петрограде и во всех других крупных революционных центрах, клокочут революционные страсти, все потоки которых скрещиваются у имени Владимира Ильича. Одни ненавидят его безграничной ненавистью, другие бесконечно ему верят, третьи безоговорочно за ним следуют. И когда, в отплату за июльские дни, позорной памяти меньшевистско-эс-эровское правительство бросило комом грязи во Владимира Ильича, пытаясь обвинить его в шпионстве, — этот ком грязи отскочил от него и попал в тех же эс-эров и меньшевиков. И опять, не только вся Россия, но и весь мир разделился на два лагеря: за Ленина и против Ленина, твердо и непоколебимо стоявшего в центре бушевавшей вокруг него революционной и контр-революционной бури.

Нечего и говорить о том, что еще значительно была роль Владимира Ильича в великие Октябрьские дни, 1917 года, положившие начало новой эпохе не только для нашей страны, но и для всего человечества. Появление Владимира Ильича, после долгой нелегальной жизни, на первом после Октябрьской революции заседании Петроградского Совета стало мировым событием. Я не знаю в истории борющегося чело-

вечества другого момента, столь насыщенного содержанием, столь много предопределившего, как тот, когда Владимир Ильич появился на этом заседании, — через полчаса после взятия Зимнего дворца, — перед собранием боготворивших его тогда — и вполне справедливо — петроградских рабочих. А когда Владимир Ильич потребовал заключения Брестского мира, его слова моментально стали историческими, и вокруг его выступления снова забушевали страсти и сосредоточились чаяния сотен тысяч и миллионов людей.

То же самое мы видим и дальше, на протяжении всей его беспримерной деятельности. Когда, в 1918 г., он был ранен и в течение нескольких дней боролся со смертью, вместе с ним чутко страдали миллионы людей и в нашей стране и на всей земле. Многие из нас помнят эту неделю, когда бесчисленная, как морской песок, пролетарская семья ждала, с затаенным дыханием, момента, когда можно будет сказать, что жизнь товарища Ленина вне опасности. Да, в те дни, когда он боролся со смертью, Владимир Ильич еще глубже вошел в сердце трудящегося человечества! И впоследствии, в каждую трудную минуту, когда революция проходила свой тернистый, крестный путь, в годы голода, блокады и беспощадной гражданской войны, каждое выступление Ленина становилось событием не только в России, но и на всем земном шаре. За эти годы Владимир Ильич стал вождем рабочего класса, руководителем всего честного в крестьянстве,

светлой надеждой угнетаемых национальностей всего мира.

Вот почему теперь, когда Владимир Ильич умер, когда его жена, за несколько часов до его похорон, нашла в себе достаточно сил и мужества, чтобы выступить с речью о роли Владимира Ильича в истории, — теперь вся Россия, от мала до велика, от рабочих до маленьких детей, плачет о потере дорогого человека. И мы видим, в эти великие и печальные дни, что даже своей смертью Владимир Ильич сослужил рабочему классу всего мира и, прежде всего, своей родной страны такую службу, которую не могла бы сослужить даже целая партия, во всей ее совокупности. И в гробу Владимир Ильич остается апостолом коммунизма, и в могиле он продолжает быть призывом и кличем для рабочего класса нашего государства и всей земли.

Кто мог бы представить себе, всего несколько недель тому назад, то могучее движение, которое мы наблюдаем сейчас в самых широких кругах рабочего класса, устремившегося в ряды нашей партии после кончины Владимира Ильича? Пусть назовут в нашей истории, и даже в летописях всего человечества, событие, хоть сколько-нибудь похожее на то, которое мы переживаем.

Мировая история знала не мало великих людей, но никогда еще смерть одного человека не будила в миллионах сердец столь могучего порыва, под влиянием которого десятки или даже сотни тысяч рабочих неудержимо устремились теперь в нашу партию.

II. ЛЕНИН — ТЕОРЕТИК И ПОЛИТИК.

Я попытаюсь, товарищи, указать, в самых основных чертах, чем был и чем остается Ленин для всего международного рабочего класса.

Мы все знаем, что Ленин, это — пророк нового человечества и апостол коммунизма, в лучшем смысле этого слова, что это — человек, одно имя которого заставляет учащенно биться сердца миллионов людей.

Говорят, что в каждой школе будет устроен «уголок Ленина». Это очень хорошо: пусть дети рабочего класса, пусть все дети Советского Союза имеют в каждой школе такой уголок. Но еще важнее тот факт, что такой «уголок Ленина» существует в сердце каждого из мыслящих рабочих и в нашей стране и во всем мире. В этом уголке каждый из нас знает полновесную цену тов. Ленину.

Но задача настоящей речи не в том, чтобы дать исход тем чувствам, которые должен переживать могучий коллектив в целом и каждый из нас про себя, а в том, чтобы попытаться уяснить себе сколько-

нибудь хладнокровно значение Владимира Ильича в области теории и в области практики.

Обратимся, прежде всего, к Ленину, как к теоретику.

Владимир Ильич продолжал дело Карла Маркса, причем ему удалось внести в его учение не мало нового, своего. Мне думается, что в революционный марксизм Владимир Ильич внес следующие пять новых решающих моментов.

Первое, это—взгляд на крестьянство. Это, пожалуй, — самое основное в ленинизме, главнейшее открытие Владимира Ильича: соединение рабочей революции с крестьянской войной.

Второе, это—соединение гражданской войны пролетариата против буржуазии с национально-освободительной борьбой угнетенных национальностей.

Третье, это—теория государства. Владимир Ильич не только нарисовал нам новый тип человеческого общежития, новую форму государственного устройства, но еще провел его в жизнь, вчерне закончив эту постройку.

Четвертое, это—оценка империализма, как последнего этапа загнивающего капитализма. Эта оценка была, в общих чертах, дана Карлом Марксом, но он не мог предвидеть последнюю фазу заката капитализма,

связанную с империалистическими войнами и с происходящим на наших глазах загниванием буржуазного строя.

И, наконец, в пятых, это — теория и практика диктатуры пролетариата.

Владимир Ильич больше всего интересовался теми вопросами, которые составляют суть и основу человеческого общежития и касаются миллионов людей. Он интересовался тем, какое значение придает масса всем происходящим в мире событиям, и, по этой причине, он больше всего думал о таких простых, но коренных вещах, как о жизни рабочего в городе, об укладе деревенского быта, об условиях существования и взаимоотношениях отдельных национальностей, об идеальном типе государства, о раскрепощении женщины, о воспитании молодежи, об освобождении колониальных и полуколониальных народов и о многом другом в этом роде. И если приглядеться к каждому из этих вопросов, то станет ясно, что они из тех, которые интересуют не столько умственную аристократию, сколько толщу человеческого общества.

III. ЛЕНИН И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСТВУ.

Как уже сказано выше, вопрос о роли крестьянства является в большевизме, или в ленинизме, — основным. Еще у Маркса есть беглое замечание о необходимости соединения борьбы рабочих с войной крестьян против помещиков. Но Владимир Ильич поставил этот коренной вопрос пролетарской революции иначе: он сумел обосновать его не только в теории, но и далеко продвинуть вперед на практике. Кто не понял всей новизны того, что Владимир Ильич сказал в этом вопросе, тот не понял и не может понять сущности ленинизма и основной тактики большевиков. Надежда Константиновна правильно заметила в своей речи в Москве, что наш русский рабочий является одной стороной — рабочим, а другой — крестьянином.

Мало того. В настоящее время вполне ясно, что вышеприведенное положение Владимира Ильича имеет значение не только обще-русское, но и международное. Коммунистический Интернационал, который

только что отметил лишь первое пятилетие своей работы, который, другими словами, только начинает расправлять свои крылья, будет черпать из оставленной нам Владимиром Ильичем сокровищницы полными пригоршнями, зная, что дальнейшее развитие пролетарской революции пойдет именно по линии соединения классовой борьбы рабочих и войны крестьян против помещиков.

Очень долгое время точку зрения Владимира Ильича в этом вопросе не понимали. Даже такой выдающийся человек, как Плеханов, и тот говорил ему, в 1906 году, на Стокгольмском съезде: «В новизне твоей — нам слышится старина», т.-е., что от идей Ленина о союзе рабочих и крестьян против помещиков пахнет-де ветхим народничеством. Да, даже такие светлые умы, как Плеханов, и те не могли рассмотреть ту великую разницу, какая была между постановкой вопроса о крестьянской революции у Владимира Ильича и у лучших представителей народничества. Даже Плеханов не разглядел, что именно здесь Ленин нашел то оружие, с помощью которого рабочий класс нашей страны и всего мира получит возможность не только поднять восстание, подобное Парижской Коммуне, но и добиться полной победы. А между тем, эта простая и ныне вошедшая в плоть и кровь каждого большевика идея объединения рабочего класса и крестьянства, идея соединения гражданской борьбы рабочих и войны крестьян, — одно из великих и гениальных открытий Владимира Ильича.

Оно создало для рабочего класса нашей страны не только конкретную возможность подняться, не только восстать, как это было в 1905 году, но и победить, разгромить буржуазию, переломить ей спинной хребет и взять власть в свои руки, чтобы вести народ дальше по пути строительства нового государства. И все же надо сказать, что в этом вопросе об отношении большевизма к роли крестьянства мы стоим лишь у начала дальнейшего интернационализирования взглядов Владимира Ильича.

IV. ЛЕНИН И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

Мысль о соединении гражданской войны пролетариата с национально-освободительной борьбой угнетенных народов высказал вскользь еще Маркс. Он был гениальным человеком, но он жил в более раннюю, чем Владимир Ильич, эпоху, и такого рода идеи мог, поэтому, выражать лишь в самой общей форме. Глядя на борьбу ирландцев с их угнетателями англичанами, он бросил свою замечательную фразу о том, что не может быть свободным тот народ, который угнетает другие. Он учил тогда английский пролетариат поддерживать угнетенных ирландских рабочих и крестьян против «собственной», английской, буржуазии. Но то, что у Маркса было лишь гениально брошенным словом, у Ленина облеклось в плоть и кровь, стало одной из основ всей его политики. И это дало ему возможность в такой стране, как наша, населенной десятками различных национальностей, найти какие-то еще незатронутые струны в сердцах сотен тысяч, миллионов и десятков миллионов людей.

Ленин велик не только тем, что он сплотил наш родной, рабочий, класс и, как одного человека, повел его за собой: величие Владимира Ильича заключается еще в том, что, став во главе пролетариата, он сумел найти для него союзников, которые дали ему полную и прочную победу. Первым таким союзником было крестьянство, вторым — угнетенные национальности. Величие Ленина заключается не только в том, что он, как никто, знал душу рабочих, но и в том, что он сумел достучаться до сердец других слоев населения, затронуть самые чуткие струны и у крестьян и у миллионов людей угнетенных национальностей, среди которых еще нет пролетариата, нет развитых классовых противоречий, а местами господствует даже средневековый уклад. Благодаря своей прямой, честной и неустрашимой политике в национальном вопросе, Ленину удалось в кратчайшее время, стоя во главе Совнаркома, завоевать беспредельное доверие миллионов угнетенных прежде национальностей, привыкших презирать все русское и ненавидеть Россию, когда она была царской и буржуазно-демократической. Светлый гений Владимира Ильича подсказал ему, что одной из первых задач пролетарской революции должна быть не только организация пролетариата, но и завоевание крестьянства и полного и непоколебимого доверия десятков миллионов угнетенных национальностей, живущих в нашей стране и во всем мире.

V. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА.

Теперь перейдем к теории государства. Как только в Европу прилетела первая весть о Февральской революции, Владимир Ильич, находившийся еще в Цюрихе, в эмиграции, немедленно прочитал свой первый реферат, в котором он проводил идею государства-коммуны. Заграницей жили тогда лучшие умы нашей собственной партии и самые видные представители меньшевиков и эс-эров. Громадное большинство людей, слушавших реферат Ленина о новом типе государства-коммуны, сочли его идеи сплошными бреднями и пустой фантазией. Дальше буржуазной демократии типа американской или французской республики ни один из вождей революционной эмиграции и революционных партий, вообще, не шел. И только Владимир Ильич, за тысячу верст, приложив ухо к земле, почувствовал то новое, что несла наша революция. Еще в тот момент, когда председателем совета министров был князь Львов, а военным министром — Гучков, Владимир Ильич издали учуял, что это произошла не просто одна из буржуазных

революций, а что это поднимался народ-гигант, что пришла в движение невиданная дотоле человеческая масса, что дело шло о начале социалистической революции.

Мы все еще помним, как на другой день после своего исторического выступления на площади у Финляндского вокзала Владимир Ильич произнес, перед собранием меньшевиков и эс-еров и небольшим числом наших товарищей, свою знаменитую речь, в которой он развивал конкретный план советской республики. Еще в вагоне, когда мы переезжали из Швеции на финляндскую границу, через Торнео, произошла, — я хорошо это помню, — наша первая встреча с революционными солдатами того времени. Правительство Керенского послало встретить нас небольшой воинский отряд. Мы думали, что оно сделало это для того, чтобы нас арестовать, и, на всякий случай, завели с солдатами беседу, которая продолжалась целый день и всю ночь. Надо было видеть это первое знакомство Владимира Ильича с первой группой революционных войск. Начальником посланной навстречу нам команды был немолодой солдат, убежденный оборонец, приходивший в ярость при слове «Германия»: до того он был заражен шовинистическим дурманом. Надо было видеть, как Владимир Ильич, нащупывая каждую косточку, старался выпытать у этих солдат-одиночек, представлявших огромную массу «добросовестных оборонцев», как называл их Ленин, чем жил и дышал народ. Владимир Ильич ни на одну

минуту не забывал, что громадное большинство было тогда против нас.

Присутствуя на заседаниях тогдашнего Петро-совета, где наши товарищи и единомышленники составляли ничтожное меньшинство, какую-нибудь одну пятидесятую часть всего зала, Владимир Ильич умел слушать в оба уха, о чем говорили «добросовестные оборонцы», умел выпросить у каждого из них, что его привязывало к оборонческой тактике; и он делал это удивительно спокойно и выдержанно, будучи глубоко уверен в том, что завтрашний день будет наш. Он шел против этого течения, разъясняя ошибки оборончества и надеясь, что, рано или поздно, ему удастся переубедить громадное большинство иначе мыслящих людей.

Вспоминаю свое совместное с ним выступление в Ротах, в Семеновском полку, который тогда усиленно на нас натравливали. Товарищи убеждали Ильича туда не ездить, опасаясь, что его выступление может плохо для него кончиться. Когда мы приехали в казарму, нам пришлось пройти через строй молодых офицеров, которые, глядя на Ильича, скрежещали от ненависти зубами, считая нас подосланными Германией шпионами. Больше получаса пришлось Владимиру Ильичу объяснять, почему он ехал через Германию, после чего он постарался перейти к вопросу о земле и войне. Он знал, как никто из нас, народ, знал крестьянина и солдата из деревни. И это свое знание он использовал, как виртуоз, как величайший

агитатор всех времен, ибо он говорил со своими слушателями так, что их сплошная серая масса, которую незадолго до того против него восстановили, которая, в первую минуту, смотрела на него волком, — что эта сплошная серая масса уже через час вынесла его на руках. Я уверен, что все солдаты и значительная часть бывших там офицеров, — независимо от их образа мыслей и если они еще живы, — хорошо помнят эту речь Владимира Ильича и считают ее до сих пор величайшим событием своей жизни... Или возьмем такое же выступление Ленина перед броневиками в манеже, где громадное большинство было не с нами, где были люди, которых также натравливали на Владимира Ильича, которые смотрели на него косо и были даже готовы, частично, поднять его на штыки. Это было до Июльских дней, когда мы были еще меньшинством. Надо было видеть, и здесь, в этой казарме, как умел Владимир Ильич одним своим видом, подходом и правдивым словом, которое шло от сердца к сердцу, достигать удивительного результата, когда каждый простой человек не мог не понять, что перед ним был истинный друг народа, за которым можно было идти с закрытыми глазами, зная, что он приведет, куда надо.

В это неимоверно трудное время, когда надо было идти против течения, Владимир Ильич проявил исключительное величие. Несмотря на то, что громадная часть России не хотела сначала взять в толк его слов о новом типе государства, несмотря на то, что Пле-

ханов еще раньше говорил о взглядах Ленина, как о смешной мечте, а другие называли их просто-напросто нелепой фантазией, — несмотря на это, Ленин все же шел против этого широкого и враждебного ему фронта и сумел в короткий срок сделать лозунг «Вся власть Советам» самым популярным не только среди рабочих, но и среди мелких тружеников, не только среди трудящегося Петрограда, но и среди всей трудящейся России. Этот лозунг «Вся власть Советам» кажется нам теперь чем-то элементарным, азбучным, само собою разумеющимся, а между тем, далеко ли то время, когда он был чем-то новым и неслыханным, когда даже для самых острых революционных умов он звучал небывалой утопией.

Ныне, в переводе на простой язык, этот лозунг означает новую теорию государства, которую нам дал Владимир Ильич.

VI. ЛЕНИН И ИМПЕРИАЛИЗМ.

К вопросу об империализме, как последнем этапе капитализма, гниющего и разлагающегося, Владимир Ильич подошел сначала как чистый теоретик. Все мы знаем его небольшую, но насыщенную содержанием книгу «Империализм, как последний этап капитализма», которая была написана еще в эмиграции, до Февральской революции. Владимир Ильич должен был, в надежде, что она пройдет через царскую цензуру, говорить в ней эзоповским языком. Это сделало книгу, в некоторых отношениях, еще более ценной. Необходимо читать эту работу Ленина, надо изучать ее, подобно тому, как он сам изучал Маркса, которого он перечитывал по пять и десять раз. Это сочинение написано не обычным пламенным стилем Владимира Ильича, и в нем нет ни одного открытого революционного призыва, но каждая его цифра дышит огнем борьбы и каждое его положение открывает нам новые горизонты.

VII. ЛЕНИН И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Не мало нового сказал Владимир Ильич и в вопросе о диктатуре пролетариата. Эту теорию Маркс разработал детальнее, чем остальные части революционного марксизма, но и в этой области он мог выступать лишь как теоретик. Что было перед ним в то время? Движение чартистов в Англии и первая великая попытка восстания парижских коммунаров, по поводу которой Маркс писал, обращаясь к буржуазии: «Вы хотите знать, господа буржуа, что такое диктатура пролетариата? Взгляните на Парижскую Коммуну». Но движение французских коммунаров было раздавлено и потерпело поражение, причем одной из главных причин его неудачи была та, что оно не составляло единого целого и что французские рабочие не имели своей коммунистической партии. Парижская Коммуна была конгломератом отдельных течений и фракций в рабочем движении, не скрепленных и не связанных одним общим узлом, то-есть, другими словами, в ней не было вылитой из одного куска партии, не было единого руководства.

Маркс мог говорить о диктатуре пролетариата лишь в самых общих чертах, и только Владимир Ильич, в своей книге о роли государства и в своих многочисленных и в высшей степени ценных работах и речах, дал нам подлинную теорию диктатуры пролетариата, законченную от начала до конца. В этой области Владимир Ильич оставил нам такое богатое наследие, что понадобятся десятки лет для его изучения и приложения к жизни.

VIII. ЛЕНИН — РУССКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР.

Владимир Ильич был одинаково великим революционером и русским и международным.

Он был русским, можно сказать, с головы до ног. Он был воплощением России, он знал ее и чувствовал. Несмотря на свое многолетнее изгнание и на долгие годы эмигрантской жизни, от него, как говорят, веяло русским духом. Когда он жил в каких-нибудь семи верстах от русской границы, в Кракове, он часто ездил за границу, чтобы «глотнуть русского воздуха». Он дышал Россией, он ее чувствовал, он ощущал каждую былинку на русской дороге; он был, повторяю, русским с головы до ног. Никто не знал лучше него русского рабочего и всего того, чем последний отличается, скажем, от немецкого и французского. Никто не знал лучше него и русского крестьянина со всеми его слабостями и со всей его мощью. Владимир Ильич — этот классический тип пролетарского революционера — сумел найти местечко в сердце каждого поселянина...

Но, вместе с тем, больше чем кто-либо из русских революционеров, Ленин был революционером международным. Мы знаем на страницах истории несколько крупных фигур русских революционеров, получивших интернациональное значение. Это — Бакунин, отчасти — Герцен, Кропоткин, в значительной мере — Лавров и, наконец, Плеханов, стоявший во главе определенного течения не только в русском рабочем движении, но, одно время, и всего II Интернационала.

Владимир Ильич — международный революционер в гораздо большей степени, чем все эти пять человек, вместе взятые. Он сумел воплотить в себе для пролетариата всего мира и для мировой революции все то, что было сильного в Бакуине, в Герцене, в Кропоткине, в Лаврове и в Плеханове, прибавив к этому свое несравненное, прямо изумительное знание массы и бесконечную в нее веру. Никто так не верил, как он, в творческую силу рабочего класса не только своей страны, но и всего мира. Никто так не умел дышать одною грудью с рабочими, где бы они ни жили — в Москве или в швейцарском городке Берне, — как Владимир Ильич. Все это, а также глубокая уверенность в непосредственной близости пролетарской диктатуры, — не через двадцать пять лет, а сейчас, завтра, — сделала его международным революционером, в подлинном смысле этого слова, еще задолго до того, как он стал председателем Совета Народных Комиссаров нашей республики.

Именно этим объясняется тот факт, что смерть Владимира Ильича больно задела рабочих всего мира, нисколько не меньше, чем русских. Как-то инстинктивно международный рабочий класс, — когда он стал чувствовать, если уже не сознавать, что в его истории переворачивается новая страница, — начал искать того, кто возглавит международную революцию, кто возьмет в свои руки ее знамя и поведет вперед мировой пролетариат. И такого вождя международный рабочий класс нашел в Ленине. Вот чем объясняется, что теперь, когда Владимир Ильич закрыл навеки глаза, по нем плачут не только миллионы русских рабочих и крестьян, но с такою же искренностью и с такою же глубиной его оплакивают и крестьяне в Албании, и труженики в Мексике, и пролетарии в Нью-Йорке, в Париже, в Копенгагене и в Пекине, — всюду и везде, где есть рабочие и трудящиеся. Негры в Америке и китайские кули, сотни тысяч и миллионы людей, знавших Ленина только по наслышке и, может быть, не читавших ни одной его книги, людей, знавших только эти пять букв: Л е н и н, — поняли, что он воплощал в себе новое человечество, новое знамя, новую главу истории, новое и уже недалекое светлое будущее. Ленин сумел стать вождем назревающей международной революции еще задолго до того, как он сделался главою Советской власти, а такая честь и такое счастье выпадают лишь на долю избранных.

IX. ЛЕНИН — СТРОИТЕЛЬ Р. К. П.

Как строитель нашей партии, Ленин проявил, в особенности в первом периоде ее организации, небывалую «твердокаменность» и необычайную «узость», как говорили наши противники. Он смело выступал против предрассудков, распространенных даже в рабочем классе, — против «широкого» демократизма внутри собственной партии, — и делал это в такое время (теперь это, конечно, не так), когда этот демократизм мог быть полезен только самсдержави́ю и был бы губителен для революции. Владимир Ильич твердо настаивал тогда на том, что партию необходимо строить сверху, что надо, путем личного отбора людей, создать такой генеральный штаб будущей массовой пролетарской партии, который, в тот день, когда начнется революция, поведет за собою массы. Он неустанно требовал от нас железной дисциплины. Мы знаем, что это не всегда приятная вещь, когда и днем и ночью, из года в год, слышишь одно и то же суровое требование неуклонной железной дисциплины в своих собственных рядах. Дисциплина, сама по

себе, вовсе уж не такое благо, которое могло бы прельщать всех и каждого. Для многих и очень многих это — крест, это — теневая сторона нашей работы. Товарищ Ленин все это, конечно, знал, но он знал также, что без беспощадной железной дисциплины ничего не добиться, и он упорно требовал ее и от себя и от других. Он высмеивал то, что он называл «интеллигентской хлюпкостью», то-есть недостатком дисциплины, метаньем из стороны в сторону, погоней за модными словечками и «течениями». Он бичевал каждого из нас, кто поддавался этой интеллигентской хлюпкости, свойственной, увы, не только интеллигенции, но иногда и отдельным рабочим, и неумолимо вытраивал ее каленым железом из наших рядов. Он стремился выковать и выковал несравненное оружие освобождения рабочего класса: величайшую из партий, равной которой не было до сих пор во всем мире.

С особенной силой, в середине 90-х годов, Владимир Ильич подчеркивал необходимость создания самостоятельной рабочей партии. Теперь нам и это кажется азбукой. А было, между тем, время, когда многие деятели из искренних сторонников пролетариата считали, что пока не будет свергнут гнет царизма, рабочий класс самостоятельной политической партии не организует, что он должен на время соединиться с демократической буржуазией и только уже потом строить свою самостоятельную рабочую партию. Никто, как Ленин, так не ненавидел цар-

ский режим, никто, как он, не питал такой жгучей ненависти к романовскому отродью, но, вместе с тем, он понимал, что «откладывать» дело создания самостоятельной политической партии — нельзя. И, понимая это, он сумел использовать для этой цели и для борьбы с самодержавием каждую буржуазно-демократическую силенку. С середины 90-ых годов Владимир Ильич неустанно пропагандирует свою идею создания самостоятельной политической партии, не переставая смотреть на рабочий класс как на гегемона, как на коренника революции, как на основную силу, которая свергнет царя, а затем — буржуазию. Товарищ Ленин создавал нашу партию в кропотливой повседневной работе; он строил ее камень за камнем, и часто то, что он создавал годами, царские жандармы разрушали в одну - две недели. Но Владимир Ильич не смущался и снова принимался возводить здание нашей партии. И только сочетание его будничной работы с гениальным полетом его ума помогло ему довести до конца это великое дело.

Х. ЛЕНИН — СТРОИТЕЛЬ КОМИНТЕРНА.

Поскольку можно говорить о роли личности в таком деле, Коммунистический Интернационал — детище Ильича. Если создание партии было важнейшей задачей всей его жизни, то с еще бóльшим благоговением Владимир Ильич подходил к той работе, которая касалась не только русских, но и рабочих партий всего мира. Для него это место было свято. Ошибиться в рамках собственной партии, конечно, тяжело, но это еще полбеда. А вот сделать ошибку, которая отразится на рабочих других стран, — этого Владимир Ильич боялся пуще всего. И каждому из нас он, прежде всего, внушал это чувство благоговения к делам Интернационала. К вопросам международного рабочего движения, ко всему тому, что касается немецких пролетариев, китайских кули, американских негров или французских рабочих, он учил нас подходить с особенно горячим сердцем, но с холодной и всегда ясной головой. «Семь раз отмерь, один раз отрежь», — ибо международное единение рабочих — святое дело.

На первых конференциях в Циммервальде и Кинтале, где собирались небольшие горсточки революционеров, Владимир Ильич, в минуту разгрома всего международного рабочего движения, когда знамя пролетариата было затоптано в грязь, попрежнему твердо верил в звезду мирового рабочего движения. «Мы подыдем это знамя, — говорил он, — мы его почистим от грязи, мы понесем его дальше и создадим III Интернационал». И, начавши с небольшой работы, с чисто личной обработки каких-нибудь пяти или десяти человек швейцарских рабочих, продолжая затем это дело в Коминтерне, с его I конгресса до IV, на котором Владимир Ильич выступил, несмотря на отговаривание его близких, уже больным, с надломленными силами, он неутомимо трудился над международным сплочением рабочего класса. Мы все помним его небольшую речь на немецком языке на IV всемирном конгрессе Коминтерна. Когда он кончил, он едва держался на ногах: до того он устал. Он был весь мокрый от пота. И все же он не хотел отказываться от выступления перед конгрессом. Он хотел, хоть в нескольких словах, сказать рабочим всего мира, что у нас, в Советской России, дело идет вперед, что Нэп нас не загубит, и что мы останемся коммунистической партией; он с гордостью говорил конгрессу, что мы уже заработали на Нэп'е восемь миллионов рублей золотом и, как бы показывая это золото представителям международного пролетариата, он говорил, что мы употребим эти деньги на электрифи-

кацию России, на поднятие нашей социалистической промышленности. Он говорил делегатам конгресса: «Мы вас поддержим, надейтесь на нас, у нас крепкие плечи; готовьтесь солиднее, не принимайте боя слишком рано; копите силы, бейте буржуазию наотмашь, разите ее прямо в грудь, но только тогда, когда вы будете уверены в том, что победите ее». Таков был смысл его речи на IV конгрессе, речи, ставшей его лебединой песнью.

Возьмите маленькую брошюру Ленина о «болезнях левизны в международном коммунизме». Разве это не евангелие для всего рабочего класса? В ней учтены все трудности и ухабы, через которые приходится идти интернациональному рабочему движению. Для тактики компартий эта работа имеет не меньшее значение, чем «Капитал» Маркса для теории коммунизма. Каждая строчка насыщена в ней опытом рабочего движения, подобранным во всех уголках земного шара. Владимир Ильич знал, как никто, рабочее движение не только в Европе, но и в Америке и во всем мире. Он старался узнавать его руководящих людей, чтобы создать настоящий международный ЦК — Исполнительный Комитет Коминтерна. Вот почему Владимир Ильич, который, как руководитель огромного государства, был всегда обременен всяческими тяготами и заботами, просиживал день и ночь на наших конгрессах, продолжавшихся иногда по месяцу. Часто можно было видеть, как где-нибудь в уголке Кремлевского зала он стоит, бывало, час-

другой с каким-нибудь рабочим из Англии, Германии или Франции и, держа его за пуговицу, втолковывает ему историю нашей революции или указывает на те трудности, которые будут стоять на пути европейского пролетариата. Владимир Ильич предвидел, между прочим, великобританское рабочее правительство уже на втором конгрессе Коминтерна, когда ни один английский коммунист еще и не думал об этом. Он говорил тогда об этом будущем событии со многими из нас и рассматривал его во всех подробностях, предсказывая те громадные затруднения, те плюсы и минусы, которые будет заключать в себе такое «рабочее» правительство. Он интересовался малейшими деталями международного рабочего движения ничуть не меньше, чем самыми серьезными нуждами Советской России. Он принимал самое деятельное участие во всей не только политической, но и организационной работе Коминтерна. Я вспоминаю знаменитые двадцать одно условие для вступления в Коммунистический Интернационал. Они были написаны мною, но были вдохновлены целиком тов. Лениным, ибо именно он был отцом той мысли, что надо на десять засовов закрыть двери перед теми «вождями», которые идут к нам только под давлением масс, а не по убеждению. Именно он учил молодых коммунистов Запада строить свои партии при помощи тщательного отбора их членов, так сказать, зернышко за зернышком. И он был, конечно, прав, потому что во многих партиях еще и сейчас совсем не

такое положение, чтобы они могли, подобно нам, принимать к себе сотни тысяч единомышленников. Еще во многих странах, где коммунистические партии только создаются, они переживают еще свои 90-ые и 900-ые годы.

Владимир Ильич чувствовал великое уважение к своим предшественникам, ко всем строителям новой жизни, к борцам революции, но столь же великое презрение питал он к пигмеям 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов. Сегодня мне попался номер газеты, за 1922 год, в котором была помещена статья тов. Ленина по поводу десятилетнего юбилея «Правды». Владимир Ильич, вспоминая в ней о ходе нашей революции, о судьбах Интернационала, писал следующее о нынешних представителях 2-го Интернационала:

«Они никак не могут сообразить, что, с точки зрения развития международной революции, переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Реноделю, или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюдекуму, Шейдеману и Носке, похож на «переход» автомобиля от гладкого и ровного шоссе, которое тянется на сотни верст, к грязной и вонючей в несколько аршин лужице, застоявшейся на той же дороге».

«Люди сами творят свою историю, — продолжает Владимир Ильич в той же статье. — Но чартисты, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем, а вожди 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов производят сие совсем другими частями тела: удобряют

почву для новых чартистов, для новых Варленов и для новых Либкнехтов»¹⁾.

Тов. Ленин говорил об этих господах довольно грубо, но зато, повторяю, он питал величайшее уважение к таким своим предшественникам, как Варлен и Вильгельм Либкнехт и даже как Август Бебель, который одной своей половиной принадлежал к старой героической эпохе, а другой был оппортунистом. Владимир Ильич глубоко чтит и Плеханова, внушая и нам уважение к таким деятелям.

Из того наследства, которое нам осталось от Ленина, важнейшим является Коммунистический Интернационал, международное коммунистическое движение, воплощающее чаяния и надежды не только русского рабочего класса, но и всего международного пролетариата. И к этому делу борьбы рабочего класса всего мира мы должны подходить с величайшим вниманием, с трепетной заботой о том, чтобы машина работала правильно, чтобы она шла по верной дороге, чтобы она не сбилась с указанного ей Ильичем пути. И мы подойдем к этому делу с той безграничной в него верой, какую нам внушил Владимир Ильич

---

¹⁾ «Московская Правда» № 98. 1922 г.

ХІ. ЛЕНИН И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Я хотел бы коснуться еще одного момента: периода империалистической войны. Я думаю, что это событие было самым важным, так сказать, переломным в жизни Владимира Ильича, каким оно было, впрочем, и для всего человечества. Тов. Ленин, этот титан мысли, реагировал на него, и в своей личной жизни и в своей политической деятельности, чрезвычайно остро. Если он был большим до 1914 года, то после, в 1914—15 годах, он стал великим.

Империалистическую войну Владимир Ильич воспринимал почти болезненно, как оскорбление, нанесенное и ему самому и всему человечеству. Я помню, что он был напряжен тогда, как натянутая струна; весь преобразился, — словно переживал каждый выстрел, раздававшийся на полях сражений.

Тов. Ленин не принадлежал к числу людей, которые боятся пуль или не могут равнодушно видеть кровь. Все мы знаем, как спокойно он мог слушать, работая у себя в кабинете, грохот пальбы, а в те дни, когда наша советская страна вся дрожала, находясь на

волоске от гибели, он невозмутимо смотрел десятки раз в лицо смерти.

Владимир Ильич так болезненно реагировал на каждый залп во время империалистической войны не потому, что он относился сентиментально к разрушению какого-нибудь замечательного собора или даже к гибели человеческих жизней. Нет! Он подходил к этому не как пацифист, а как революционер. В эту минуту каждая жилка в нем дрожала потому, что он чувствовал в ходе событий роковой перелом: либо буржуазия физически истребит цвет международного рабочего класса и на десятки лет отгонит его назад, либо мы, сумев воспользоваться моментом, когда миллионы людей находились под ружьем, а у рабочих были в руках винтовки, продвинемся далеко вперед. Тогда он бросил лозунг: империалистическую войну надо превратить в гражданскую.

Владимир Ильич жил тогда в Швейцарии, больше всего в Цюрихе, в бедном квартале, у одного сапожника, с которым он был в дружеских отношениях. После того он переехал в Берн. Ему негде было расправить свои орлиные крылья. Они были связаны. У него не было ни крупной газеты, ни значительной аудитории. Мы были оторваны от России, вести откуда приходили крайне редко. Вполне понятно, что в это время Владимир Ильич действительно томился, как орел в клетке, но именно в это время он и становился, повторяю, из большого—великим. Он рос не по дням, а по часам, впитывая в себя все то револю-

ционное недовольство, которое, в эти годы, сеяли ужасы войны во всем мире. Все то, что рабочие Англии, Франции, Германии, Польши и России передумали, лежа в окопах, все их разговоры, он, как будто бы, подслушал; он, как будто бы, собрал воедино все слезы матерей. Все стоны, которые исторгала у трудящихся мировая империалистическая бойня, отзывались, словно на арфе, в сердце тов. Ленина. С необыкновенной чуткостью переживал он все тогдашние события. Он болел ими, он худел, и с каждым днем черты его лица обострялись. Он как бы накапливал в себе весь гнев революционного рабочего класса, который буржуазия и капиталисты гнали на убой. Я думаю — именно тогда в мозгу его зародились идеи, сделавшие его бессмертным и славным на вечные времена. Его сочинения того времени были, по моему мнению, чем-то в роде перевода романа «Война и мир» на язык пролетарской революции. Как известно, в этом своем произведении Толстой, как величайший художник, отразил, объективизировал и увековечил многие проблемы войны и мира. Владимир Ильич также собрал все стоны и слезы с полей битв, все возмущение революционного рабочего класса, который разбойники-империалисты тогда задавили, засунув ему в рот кляп. И всему этому он дал выражение в своих блестящих статьях и воззваниях, вскоре зазвучавших, словно набатный колокол, по лицу всей земли.

XII. ЛЕНИН — ПРОВИДЕЦ.

В то время, в начале империалистической войны, когда кризис социализма невыносимо тяжким бременем давил на каждого из нас, когда среди рабочего класса и его передовых отрядов лишь отдельные люди, в роде Либкнехта, решались робко протестовать против дьявольской бойни, — в то время, повторяю, Владимир Ильич рос не по дням, а по часам, крылья его ширились и крепили, он складывался постепенно в того великого вождя, который стал потом пророком международной пролетарской революции.

Товарищи! Нет ни одной области, к которой почти вплотную не подошел бы тов. Ленин и в которой он не сказал бы своего вещего слова. Переберите важнейшие темы: Ленин и рабочий, Ленин и крестьянин, Ленин и «кухарка», которая должна, по его мнению, научиться управлять государством, Ленин и молодежь, Ленин и работница, Ленин и красная армия, Ленин и советское государство, Ленин и народное образование, Ленин и дети, Ленин и профсоюзы,

Ленин и Парижская Коммуна—и так далее. Все эти вопросы Владимир Ильич трактовал, обогатил и в каждом из них он сказал что-либо новое и, почти всегда, пророческое.

Мы знаем, что никто не относился так отрицательно к громким фразам, как тов. Ленин, и он, наверное, запротестовал бы, если бы его назвали пророком и ясновидцем. Да, конечно, это—затасканное слово и оно, действительно, мало подходит к облику Владимира Ильича, но все же нельзя не изумляться тому, сколько подлинного предвидения проявил он в своей деятельности. Повидимому, это в порядке вещей, и всегда так бывает, что когда на рубеже двух эпох рождается человек, которого мозг и сердце воплощают все, что есть лучшего и прогрессивного во всем человечестве, в его передовом классе (в данном случае—в рабочем классе), то такой человек, сам того не замечая, естественно и просто разбрасывает вокруг себя пророчества, а изумленные люди смотрят и видят, как мало-по-малу исполняется все, что он предсказал.

Возьмите вопросы о пролетариате и крестьянстве, о соотношении классов в революции. Разве то, что сказал по этому поводу Владимир Ильич, не истинное пророчество? Если в 90-ых годах он мог предсказать подлинное соотношение, основную координацию двух великих классов—крестьянства и рабочих—в огромной стране, насчитывающей 150 миллионов населения, если он мог это предсказать и если это исполняется

точка в точку, то разве это не удивительное историческое предвидение? Возьмем, далее, его идею гегемонии пролетариата. Разве не пронес он ее через три революции, разве не пропагандировал он ее четверть века? А кто же не видит теперь, что то была не выдумка литератора и теоретика, а ясновидение острого ума? А когда, в 1914 году, Владимир Ильич сказал о превращении империалистической войны в гражданскую — разве это не было удивительным пророчеством? Ведь, в то время не нашлось бы, пожалуй, и десяти человек во всем мире, способных этому поверить. Да и в нашей собственной партии таких людей не нашлось бы: почти все считали тогда, что это революционное увлечение — и только.

В 1894 году Владимир Ильич написал свое первое крупное произведение, задержанное царской цензурой и опубликованное лишь несколько месяцев тому назад. Оно называлось: «Что такое друзья народа». Автору его было тогда только 25 лет; он был еще юным революционером, только что появившимся на арене борьбы, молодым орленком с неотросшими еще крыльями. Рабочий класс был в то время тоже еще очень слаб: у него не было никакой партии. И вот Ильич, в конце этой книги, бросил пророческие слова:

«Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации — тогда

русский рабочий, поднявшись во главе демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Это товарищ Ленин написал в 1894 году, тридцать лет тому назад, в эпоху неслыханной царской реакции. Разве это не великое предвидение? А в течение последующих тридцати лет своей деятельности Владимир Ильич только и делал, что развивал эту небольшую фразу со столь огромным содержанием. Когда все это вспомнишь, начинаешь понимать, что в 1894 году товарищ Ленин, в сущности говоря, уже вполне сформировался и что дальнейшая его деятельность была направлена лишь на внесение в массу того, что он тогда высказал.

Когда мы были в одной партии, в одном Интернационале с меньшевиками, Ильич бросил в 1908 году фразу, что наша литературная борьба с ними является предвестницей надвигавшейся гражданской войны, которая будет решаться на баррикадах. Много ли было тогда людей, принимавших всерьез эти слова? Я полагаю, что во всей партии их не нашлось бы и сотни. Все думали: «Это не так страшно: мы только две фракции одной и той же партии, — как-нибудь обойдется». А теперь мы все хорошо знаем, что еще пятнадцать лет тому назад Владимир Ильич уже ясно предвидел то, чему всех нас научила только революция

1917 года. То же можно сказать и о государственном коммуне и о Коминтерне. Когда товарищ Ленин бросил лозунг — «Третий Интернационал», ему поверила только маленькая кучка людей. Никто и мысли не допускал, что это когда-либо сбудется. То же относится и к электрификации нашей страны, если перейти в область других примеров. Совершенно ясно, что и тут товарищ Ленин провидел многое из того, во что верили только немногие, считая такое чудо невероятным и не представляя себе, что оно скоро станет, несмотря на все, совершившимся фактом. То же можно сказать, наконец, и о международном Союзе Советских Республик, который воплотился в жизнь в сравнительно короткое время.

ХІІІ. ЛЕНИН, КАК ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ.

Я хотел бы сказать еще о Ленине, как о товарище и человеке, сказать о том, что так интересует — по вполне понятной причине — каждого члена нашей партии и каждого рабочего вообще. Надежда Константиновна верно заметила, что Ленин умел не только говорить с рабочими, но умел и слушать их. А это великое искусство, которым обладают далеко не все. На свете гораздо больше таких людей, которые умеют говорить, чем таких, которые умеют слушать по-настоящему. Владимир Ильич принадлежал к числу последних. Именно поэтому он и сумел, как никто другой, впитать в себя, как губка, все то, что есть здорового и реалистического в жизни рабочего класса. И он умел делать это во всех положениях: и в 1905 году, во время первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов, когда он, сидя на хорах Вольно-Экономического Общества, прислушивался к речам рабочих и работниц, жадно поглощая каждое их слово; и на массовых собраниях, когда, сидя на ступеньках крыльца, среди рабочих, он разговаривал с ними,

прислушиваясь к каждому их слову. При этом он умел из нескольких слов составлять себе целую картину. Я помню, как в те дни, когда нас травили и готовляли погром редакции «Правды», и Владимир Ильич был принужден прятаться на случайных квартирах, он умел, поговорив со случайно встреченной им работницей или кухаркой, уяснить себе, как преломлялась у нее буржуазная травля и что ее отталкивало от большевизма. Он сумел, за долгие недели своих скитаний, в июльские дни, скрываясь в окрестностях Сестрорецка, в шалаше, где-то у стога сена, поговорить по-настоящему с приютившей его рабочей семьей и составить себе ясное понятие о том, как она жила.

У тов. Емельянова, у которого мы тогда прятались, был 16-летний сын, считавший себя в то время левее товарища Ленина; он был анархистом. И вот, надо было видеть, товарищи, сколько часов потратил Владимир Ильич на беседы с этим юношей, стараясь выяснить, как пришел он к анархизму, и переубедить его, доказав, что мы правы. В каком бы положении ни оказывался Владимир Ильич, он всегда умел использовать каждую возможность, чтобы войти в соприкосновение с живым, истинным рабочим. Он любил рабочий класс не как абстракцию, не как отвлеченную категорию, как зачастую любят пролетариат кающиеся интеллигенты, — нет, у него была настоящая, живая, действительная любовь к каждому подлинному труженику,

к маляру, красившему его дом в Горках, к сапожнику, шившему ему сапоги, к кухарке-латышке, готовившей ему обед, к каждому встреченному им на своем пути работнику, со всеми его сильными и слабыми сторонами. Хорошо сказала Надежда Константиновна, что сердце Ильича горячо билось для каждого трудящегося. Владимир Ильич мог казаться иногда неприступным, ибо не любил, чтобы его считали сентиментальным, хотя этим последним качеством, в лучшем смысле этого слова (то-есть настоящей человечностью), он обладал. Всякий чувствовал, что в его сердце горел яркий огонь — высшая любовь к каждому истинному труженику.

Я не скажу, чтобы Владимир Ильич не знал себе цены. Он знал ее, но он был человеком-рабочей артели, частью коллектива; никакого эгоцентризма в нем не было. Он не говорил: «я считаю нужным» или «я требую», а всегда — «партия считает нужным» или «партия требует». Но свое историческое призвание он знал, при чем это выходило у него всегда очень просто и естественно, ибо всякий как-то понимал, что так и надо, чтобы Ленин говорил от имени миллионов, что он был призван для этого историей. В этом смысле Владимир Ильич часто ощущал себя так: «Я, Ленин, и крестьянская Россия»; «я, Ленин, и рабочий класс»; «я, Ленин, и буржуазные государства», и даже еще больше: «я, Ленин, — вождь русского народа — и вся остальная вселенная». Без трескучих фраз, без малейшего преувеличения своей роли, Владимир Ильич

понимал, что ему выпало на долю возглавлять великую революцию; он признавал свое историческое призвание, но, вместе с тем, он был человеком большой человечности, редкой простоты и замечательной теплоты. Он как бы воплощал в себе коллективную волю, энергию, любовь и мужество всего рабочего класса. Зато на него и устремлялась вся любовь угнетенных и вся ненависть угнетателей.

Не было человека более доброго и ясного, более сердечного, чем товарищ Ленин. Всюду и везде он был одинаков. Например, в тюрьме. Я знаю, из хорошего источника, что, попав в первый раз в заключение, он сразу повел оттуда кипучую работу: посылал на волю листовки, писал там статьи и быстро стал душой всего своего тюремного коридора. Он, бывало, часами выстукивал своему соседу: «Крепко закрывай форточку тряпкой, чтобы у тебя не слишком сквозило», и, в то же время, излагал ему теорию гегемонии пролетариата и разъяснял ошибки народников. Я видел товарища Ленина в тюрьме в Галиции, где в начале войны он был арестован австрийским правительством по обвинению — ни больше, ни меньше как в военном шпионаже. Он сидел в деревне Новый Тарг, недалеко от Кракова, и мы его там посещали. Он сразу стал любимцем всей тюрьмы, где отбывали наказание также крестьяне за недоимки. И вот, все эти люди сошлись на том, что сделали товарища Ленина чем то в роде своего старосты, и Ильич, с величайшей готовностью, отправлялся, под конвоем тюремной

стражи, покупать для всей этой компании махорку. В то же время он разъяснял арестованным крестьянам местные законы, которые изучил по книжкам, стремясь помочь темным людям выбраться из поглотившей их долговой ямы. И галицийские мужики сразу полюбили товарища Ленина — за бодрость духа, за силу воли, за готовность помочь им и за ласку к простому человеку. И подобно тому, как в этой чужеземной тюрьме, в самом смешанном обществе, с людьми, с которыми он с трудом мог объясняться на ломаном польском языке, Ильич сразу стал душою коллектива, так бывало и везде, куда только он ни попадал.

Сила воли у Владимира Ильича была необыкновенная. Она не оставляла его и в болезни, до самых последних дней. Об этом свидетельствует ряд примеров. Но рассказать о них еще не настало время... Товарищ Ленин не переставал шутить, смеяться и напевать в такие трагические минуты, когда каждый другой на его месте мог бы только плакать... И чем больше была сила его воли, тем меньше замечал ее он сам. Он не признавал, насколько он был силен во всем том, что сделало его не только гигантом мысли, но и гигантом воли, не только великим теоретиком, но и настоящим вождем. Казалось, что собранные воедино воли всего рабочего класса, все упрямство давно угнетаемого, но ныне освобождающегося и идущего к власти пролетариата, весь его талант, вся настойчивость русского мужика и многомиллионной массы русского народа, все дарования и способности

нашей страны, все ее леса, долины и реки, вся духовная мощь огромного государства, — все это, казалось, собралось в одном его мозгу, в одном его сердце, в одной его воле. И это делало Ильича не только великим революционером, не только великим учителем, но и ч е л о в е к о м, прежде всего.

Каждый, кто имел с ним хотя бы самое незначительное, мимолетное соприкосновение, уносил с собой самое светлое о нем воспоминание.

Почитайте, товарищи, отзывы о нем его врагов. Какую дань уважения и изумления сумел исторгнуть у них Владимир Ильич! Люди, которые никогда его не видели, как будто чувствовали исходящий от него и пробегавший через океаны электрический ток. И одни из них с радостью вбирали в себя эту электрическую волну, в то время как другие чувствовали, что она смывает их буржуазный рай. Но и те и другие понимали, что Ленин — величайшая фигура, которую когда-либо знало человечество. Как государственного деятеля, как теоретика и вождя, Владимира Ильича, конечно, знал и знает весь мир. Как человека, его знало гораздо меньше людей. Но одно можно сказать: всякий, кто знал его, никогда не забудет этого образа истинно великого человека... Владимир Ильич любил природу во всех ее видах и проявлениях. Этот величайший мыслитель умел резвиться, как юный комсомолец. Он бывал первым запевалой на прогулках, самым быстрым конькобежцем в нашей компании, лучшим велосипедистом, прекрасным туристом; он

ловчее всех лазил на снежные горы, любил охоту и был готов одним из первых выкупаться в ледяной воде горной галицийской речки; он умел, как никто, смеяться с заражающим весельем, ясной, как хрусталь, своей души.

Товарищ Ленин, на плечах у которого было такое огромное дело и такая великая ответственность, работал в последние годы и держал себя так, словно он родился председателем Совнаркома и руководителем Коминтерна, словно он всегда управлял громадным государством, а не был жившим на чердаках голодным эмигрантом, тюремным сидельцем и ссыльным. Вся машина управления партией и страной двигалась в его руках так плавно, как будто она была давным-давно налажена и шла сама собой. И это в такие годы, какими были 1918 и 1919! А в самые тяжелые минуты, когда Деникин подходил к Орлу, когда в нескольких верстах от Петрограда стоял враг, когда утром убивали Урицкого, а вечером стреляли в самого Ленина, когда на фронтах косили целые полки, когда мы не умели еще обращаться с оружием, когда история грозила на каждом нашем шагу невероятные препятствия, — в эти тяжелые минуты Владимир Ильич становился еще спокойнее, еще сдержаннее. И еще плавнее шла у него государственная машина. Он не спал иногда по целым ночам, но если вам случалось проводить ночь в соседней с ним комнате, то на утро он беспокоился о том, что вы плохо спали, делая вид,

будто сам он выспался отлично... Так жил и работал этот замечательный человек.

И не удивительно, товарищи, что он, буквально, сгорел на работе. Теперь мы это знаем, после результатов вскрытия, после того, как специалисты-анатомы видели его мозг и объяснили нам каждую его извилину. Лучшие немецкие профессора сказали: «Мозга, не сгоревшего на работе, у Владимира Ильича осталась только четверть». И приходится изумляться могучему мозгу товарища Ленина, сумевшему в таких условиях сохранить так много интеллектуальной силы и понимать положение вещей гораздо глубже, чем человек со здоровым мозгом. Вам, конечно, известны, товарищи, все те глупые измышления, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы «объяснить» причину болезни Ильича. Ныне виднейшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен. Светила медицины сказали: «Этот человек сгорел; свой мозг и кровь своего сердца он отдал без остатка рабочему классу».

Все время Владимир Ильич оставался на своем посту. Он никуда не выезжал и бессменно стоял на вышке, напрягая последние остатки своих сил, ибо чувствовал, что нес ответственность за всю политику страны, как в целом, так и за все ее детали: и за назначение начальника дивизии, и за решение более или менее важных стратегических вопросов гражданской войны, и даже за всякие конфликты в разных организациях и наркоматах. Он вникал

решительно во все. Его живо интересовала работа волисполкома или комитета крестьянской бедноты. Он входил во все вопросы народного образования и вникал даже в такие вещи, как кинематограф и учебники. Одним словом, все, из чего складывается жизнь государства, — все это проходило через мозг Владимира Ильича. Он принимал десятки людей в день, он не жил, а горел. Но и горение его сначала было (или казалось) какое-то плавное, постепенное. Никто не сказал бы, что этот человек был болен, потому что товарищ Ленин умел тщательно скрывать все внутренние стороны своей собственной работы. Он заставлял других отдыхать и лечиться, говоря им: «Вы частицы живого инвентаря нашей партии», — но о собственном отдыхе и о собственном лечении он никогда не думал.

Конечно, партия делала все возможное, чтобы поставить товарища Ленина в нормальные условия работы и дать ему максимум помощников. Но все ее усилия в этом направлении оказывались тщетными, ибо воля Владимира Ильича во всем, что касалось его личной работы, была непреклонна. Товарищ Ленин был самым дисциплинированным членом партии. Ее решения были для него законом. Но в вопросе о своей собственной работе он дисциплину нарушал, и тут все постановления Центрального Комитета нашей партии, обычно для него ненарушимые, он часто обходил.

Теперь, когда виднейшие врачи-специалисты дали нам возможность оценить напряженную деятельность

его мозга, стало ясно, что Владимир Ильич сгорел на работе, что не только свой выдающийся талант, не только весь огонь своего сердца, но и свой мозг, с его необыкновенным количеством извилин, он отдал целиком и безвозвратно рабочему классу и на служение первой победоносной пролетарской революции.

Тов. Ленин ясно отдавал себе отчет в состоянии своего здоровья: еще в 1922 году он говорил иногда близким и друзьям: «Помяните мое слово: кончу я параличом». Каждый раз мы пытались, конечно, превращать его слова в шутку, но он, ссылаясь на примеры, твердил: «Как бы не кончить свой век так же, как такой-то, а может быть, еще и хуже». В 1922 году, когда обнаружились первые признаки его болезни, он стал изучать медицинские книги и по ним сам себе поставил диагноз. Но, несмотря на то, что он знал серьезность своего недуга, он считал, что, находясь на таком ответственном посту, он обязан до последней минуты, до последнего своего вздоха руководить выпавшей ему на долю гигантской исторической работой.

Так сгорел наш великий вождь и учитель, наш товарищ и друг, который, по возрасту своему, мог бы еще поработать добрых десять лет, чтобы помочь нашей стране преодолеть наиболее серьезные затруднения.

XIV. ПОХОРОНЫ ЛЕНИНА. — ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА.

Я не буду говорить, товарищи, о том, как прошли похороны Ильича. Я описал их, как мог, в печати. Все, и враги и друзья, признают, что таких похорон еще не было во всей истории человечества. Миллион человек пришли в Москве проводить тело Владимира Ильича в 25-градусную стужу. По всей России, во всем Союзе Советских Республик, во всем мире, было то же самое. Я слышал недавно рассказ вернувшегося из-за границы тов. Лозовского, который был тогда в Париже. Самая большая демонстрация, какую рабочие французской столицы видели за последние 25 лет, была организована в связи со смертью тов. Ленина. На берегах Сены были такие же траур и плач женщин рабочего класса, такая же печаль их детей, как и у нас, на родине Ильича. И так было не только в Париже, но и в Христиании, и в Италии, так было во всем мире. Всюду, где есть рабочие и сознательные крестьяне, всюду, где люди сидят в тюрьмах за дело пролетариата, всюду, где есть

угнетенные национальности, поднимающиеся на новую борьбу, — всюду день похорон Владимира Ильича стал глубочайшим по нем трауром. Более величественной картины, прошедшей перед нашими глазами в Москве, в течение шести дней и ночей, еще не видел мир.

Мы знаем из рассказов рабочих, как это печальное событие преломилось в их жизни. Если мы, члены Центрального Комитета и ближайшие ученики Владимира Ильича, не думали в эти дни ни о чем другом, кроме как о его могиле, — это вполне понятно. Но оказывается, что в Москве (да, вероятно, и в нашем городе) были сотни и тысячи рабочих семейств, которые в эти дни не думали даже об обеде. Вся их жизнь перевернулась вверх дном. Я слышал рассказ одного рабочего, у которого жена — ярая меньшевичка. А между тем, и она три дня простояла у гроба тов. Ленина, забросив свое хозяйство. Я думаю, что этот случай не единичный. Смерть Владимира Ильича заставила признать его величие даже тех, которые до сих пор считали его дело неправым. Его смерть, сама по себе, стала величайшим событием в жизни нашей страны. Я думаю, что мое чувство меня не обманывает, когда оно говорит мне, что вся Россия после смерти тов. Ленина почувствовала себя по-новому. Какой-то рубеж положен между Россией до смерти Ильича и Россией после его смерти.

Некоторые политики, желая сделать Владимиру Ильичу лучший комплимент, говорят, что он

был чем-то в роде Петра I, или приводят подходящие сравнения из всемирной истории. Слепцы! Они взяли совсем не ту мерку. Конечно, и Петр I, и Наполеон, и Кромвель — все это великие люди, но разве можно сравнивать с ними Ленина? Такого великого человека мир еще не знал, и все исторические фигуры, о которых я упомянул, — карлики по сравнению с этим гигантом мысли, с этим великаном чувства и воли, с этим провозвестником братства и царства труда!

Движение беспартийных, которое началось сейчас у нас, является лучшим памятником Владимиру Ильичу. Не надо бояться прилива в нашу партию неподготовленных сил, новых сотен тысяч рабочих от станков. Не надо бояться этой маленькой революции в партии: пусть они войдут в нее, эти сотни тысяч рабочих от станков, и если нам удастся вытеснить из нее затесавшийся в ее ряды чужеродный элемент, являющийся для нее балластом, то это будет обновлением нашей партии: она выиграет в величии и сплоченности, она станет еще более пролетарской, ленинской.

В последние годы своей жизни Владимир Ильич чаще обращал свои взоры на Восток, чем на Запад, хотя он ни минуты не сомневался в том, что пролетарская революция на Западе одержит в недалеком будущем полную победу. В упомянутой статье от 2 мая 1922 года, Владимир Ильич говорит:

«Мучить, истязать и убивать буржуазия может пока свободно. Но остановить неминуемую и — со всемирно-исторической точки зрения — совсем недале-кую и полную победу революционного пролетариата она не может».

Но особенное внимание он обращал на такие страны, как Китай, Индия, Персия и Турция. Он смотрел на нашу Советскую Республику как на государство, стоящее на рубеже между Востоком и Западом. Этого завета Владимира Ильича мы тоже не должны забывать, как и его пророческих слов о том, что нам необходимо подлинное и глубокое знание угнетенных народов Востока. Сам тов. Ленин прекрасно знал их положение, хотя не сталкивался с ними вплотную и не знал их языка; но он угадывал их чувства, радовался, встречаясь с их представителями, жил и для них, был их надеждой и упованием . . .

Все мы, вся наша партия, все рабочие должны внимательно и прилежно и з у ч а т ь оставленное нам тов. Лениным наследство. Это потребует многих лет. Пусть! Каждый из нас обязан и з у ч и т ь важнейшие сочинения Владимира Ильича. На нас лежит отныне неслыханно великая ответственность: не промотать завещанное нам Ильичом великое достояние. Под знаменем Ленина мы должны неустанно бороться с нашими врагами, чтобы они неизменно встречали не только лес штыков и винтовок, а еще находили бы нас вооруженными железной волей к победе, знанием ленинизма. Мы должны исполнить

заветы Ильича и довести до конца оставленное им нам великое дело. Это и будет лучшим ему памятником. Честно послужить делу Коминтерна — значит послужить великим идеалам тов. Ленина.

Мы должны неустанно следить за тем, чтобы ни малейшая трещина не нарушала сплоченности основного отряда Коминтерна — Российской Коммунистической Партии . . . Наследие мы получили такое, какого никогда ни одна партия не получала. Мы — богатейшие наследники в мире. Наша армия достойна победы, ибо нет более великой армии, чем армия коммунаров, которую возглавлял Владимир Ильич. И эта армия, утерев свои слезы по усопшем великом учителе, сказала: «Теперь за работу! Приготовимся выполнить на деле заветы Владимира Ильича!»

Я думаю, что у нас, в Ленинграде, мы отнесемся к этой задаче особенно серьезно, бережно и деловито. Надежда Константиновна, в своей прекрасной речи, в Москве, кратко напомнила нам (и вполне правильно), что основные мысли Владимира Ильича складывались в Ленинграде, когда он работал в местных рабочих кружках, когда он завязывал первые связи с местными рабочими. Надежда Константиновна, знающая каждый час его жизни, прямо сказала, что основные мысли великой пролетарской революции были навеяны Ильичу ленинградским пролетариатом, который он учил, но у которого он также учился, начиная с 90-ых годов. И потому на нас падает

особенно почетная обязанность. Наш город и наша организация носят теперь имя тов. Ленина. В моменты колебаний или каких-нибудь раздоров, в моменты, когда нам придется принимать какие-либо тяжелые и ответственные решения, — пусть каждый в своей совести вызовет нетленный образ Ильича и вспомнит, что он работает в организации, носящей его имя. Все рабочие нашей страны завидуют рабочим Ленинграда, завидуют счастью нашей организации, связанной отныне навеки с именем тов. Ленина. Конечно, мы имеем на это все исторические права, но это также возлагает на нас и величайшие обязанности.

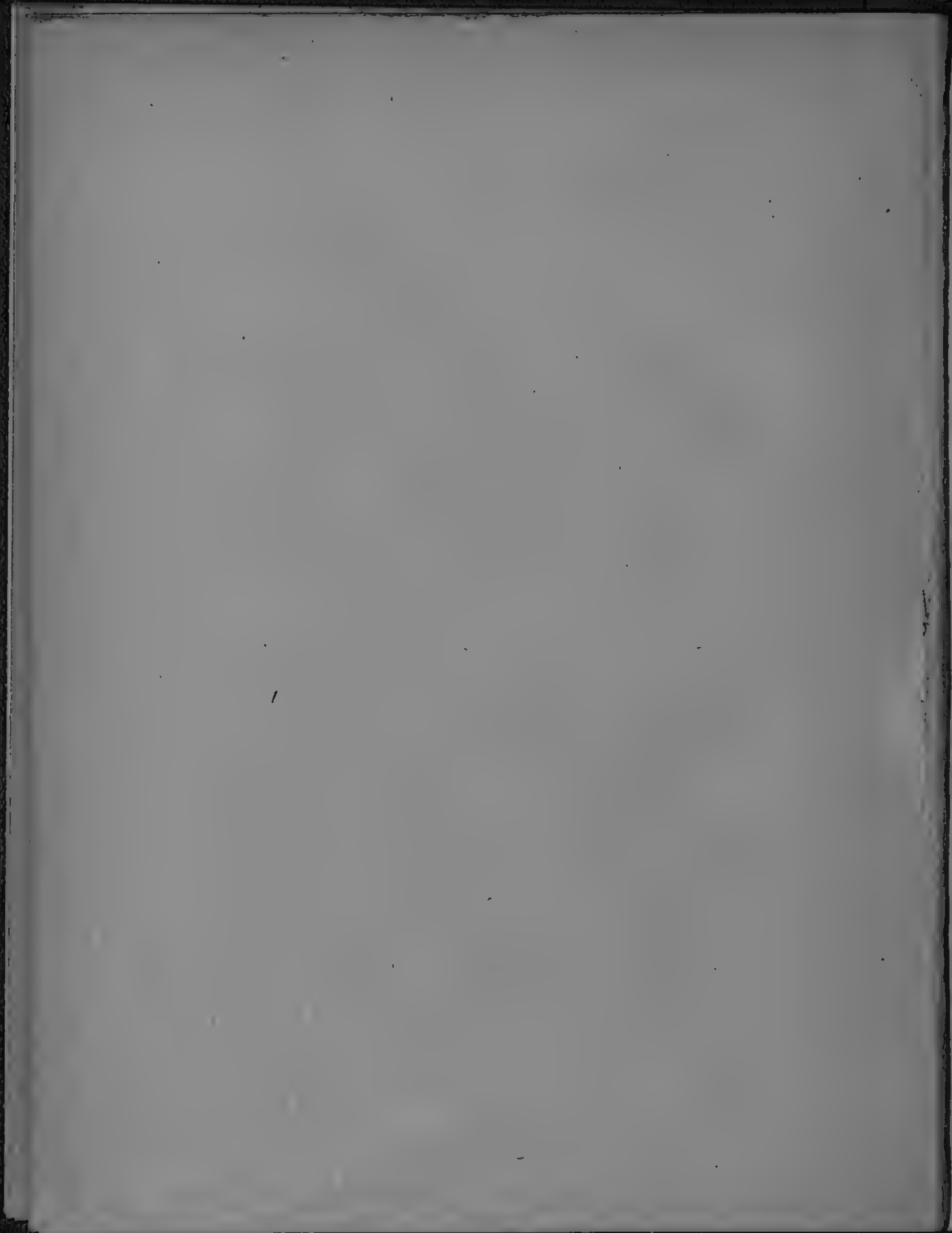
Давайте же, товарищи, прежде всего изучать Ленина и, изучив его, давайте проводить в жизнь его заветы. Помните, что величайшим счастьем для каждого из нас является тот факт, что мы — современники Владимира Ильича, что мы работали вместе с ним, что мы дышали с ним одним воздухом, что мы учились у этого великого учителя, у этого замечательного человека, который родился, чтобы стать рубежом в истории человечества, стать знаменосцем и вождем не только рабочего класса и крестьян нашей страны, но и всего мира!

Второй
Второй и третий
разы в 1893

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.
I. Мировое значение Ленина.	3
II. Ленин — теоретик и политик.	10
III. Ленин и его отношение к крестьянству.	13
IV. Ленин и освободительное движение угнетенных нацио- нальностей.	16
V. Теория государства	18
VI. Ленин и империализм	23
VII. Ленин и диктатура пролетариата.	24
VIII. Ленин — русский и международный революционер.	26
IX. Ленин — строитель Р. К. П.	29
X. Ленин — строитель Коминтерна	32
XI. Ленин и империалистическая война	38
XII. Ленин — провидец.	41
XIII. Ленин, как человек и товарищ	46
XIV. Похороны Ленина. — Заветы Ильича	56

ЛЕНИН И О ЛЕНИНЕ

Издания Ленинградского Отделения Государственного Издательства, посвященные В. И. Ульянову-Ленину.

Аросев, А. — Основные вехи жизни В. И. Ульянова (Ленина). Краткая выдержка из календаря жизни Владимира Ильича. Редакция Л. Б. Каменева. 32 стр. Ц. 15 к.

Гильбо, А. — О Ленине (печ.).

Зиновьев, Г. — В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. 24 стр. с 5 рисун. (распродано). Ц. 15 к.

Его же. — То же. Изд. 2-е, 24 стр. с 5 рис. Ц. 15 к.

Его же. — На смерть Ленина. 38 стр. Ц. 15 к.

Его же. — Ленин и Коммунистический Интернационал. 40 стр. Ц. 18 к.

Ленин, В. И., и Г. Зиновьев. — За III Интернационал. Программа и тактика Коминтерна в течение первого пятилетия его деятельности. 520 стр. Ц. 2 р. 20 к.

Ленинский сборник 1. — Под редакцией Л. Б. Каменева. 252 стр. с 4-мя портретами и 2 факсимиле (Труды Института имени В. И. Ленина). (Распродан.) Ц. 2 р. 30 к.

То же. — Издания 2-е. Ц. 2 р. 30 к.

Лилина, З. — Великий учитель (Ленинская хрестоматия) (печ.).

Письма В. И. Ленина к Максиму Горькому 1908 — 1913 г.г. (Женева, Париж, Краков, Берн, Поронин). Предисловие и примечания Л. Каменева. 78 стр. Ц. 30 к.

Ярославский, Ем. — Жизнь и работа В. И. Ленина 23 апреля 1870 — 21 января 1924 г.г. (3-е дополненное издание). 358 стр. с многими иллюстрациями. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. — Вождь рабочих и крестьян. 91 стр. Ц. 25 к.

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Серия небольших популярных брошюр, составленная из статей и речей выдающихся теоретиков коммунизма; статьи и речи, входящие в „Ленинскую библиотеку“, написаны как при жизни В. И. Ленина, так и после его смерти.

Аросев, А. — По следам Ленина. 32 стр. Ц. 15 к.

Бухарин, Н. — Революционный теоретик. 12 стр. Ц. 5 к.

Воронский, А. — Ленин и человечество. 64 стр. Ц. 20 к.

Горький, М. — Владимир Ильич Ленин. С портр. 16 стр. Ц. 5 к.

Емельянов, Н. — Тайственный шалаш. 13 стр. Ц. 5 к.

Еремеев, К. — I. Ленин и рабочий класс. II. Встречи с Ильичом. 30 стр. Ц. 10 к.

Зиновьев, Г. — В. И. Ленин — гений, учитель, вождь и человек. 61 стр. Ц. 20 к.

Его же. — В. И. Ленин. Очерк жизни и деятельности. 63 стр. Ц. 20 к.

Зорин, С. — Что может означать Ленин. 16 стр. Ц. 5 к.

Канатчиков, С. — На боевом посту союза рабочих и крестьян. 13 стр. Ц. 5 к.

Карпинский, В. — Пролетарский вождь крестьянства. 12 стр. Ц. 5 к.

Клюев, Николай. — Ленин. Сборник стихотворений. 2-е издание. 50 стр. (распродано). Ц. 30 к.

Князев, Василий. — Капля крови Ильича. Стихотворения. 35 стр. Ц. 15 к.

Кольцов, Михаил. — Последний рейс. 8 стр. Ц. 5 к.

Его же. — Человек из будущего. 12 стр. Ц. 5 к.

Крупская, Н. — I. О Владимире Ильиче. II. Из эмиграции в Питер. 24 стр. Ц. 10 к.

Ленин, Н. — Задачи союзов молодежи. (Речь на III Всероссийском Съезде Р.К.С.М.) 36 стр. Ц. 15 к.

Цена ~~12~~ к. 75 к.

Ленин, Н. — Карл Маркс, его жизнь и учение. 46 стр. Ц. 15 к.

Его же. — О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме. 90 стр. Ц. 30 к.

Ленин и экономическое строительство. — Статьи В. Милютина, В. Чубаря, А. Шейнмана, Н. Горбунова и Л. Красина. 59 стр. Ц. 20 к.

Лепешинский, П. — По соседству с Владимиром Ильичом. 24 стр. Ц. 10 к.

Лилина, З. — Ленин как человек. 19 стр. Ц. 10 к.

Ее же. — Наш учитель Ленин. Книжка для детей. С 4 рисунками в тексте. 24 стр. Ц. 10 к.

Луначарский А. — Владимир Ильич Ленин. 16 стр. Ц. 5 к.

Его же. — Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусства г. Москвы.) 32 стр. Ц. 10 к.

Мысли В. И. Ленина об экономической политике. (Выдержки из статей и речей.) 64 стр. Ц. 20 к.

Отчего болел и умер Ленин. 36 стр. Ц. 15 к.

Покровский, М. — Ленин и высшая школа. 10 стр. Ц. 5 к.

Преображенский, Е. — О нем. 14 стр. Ц. 5 к.

Радек, К. — Жизнь и дело Ленина. 52 стр. Ц. 20 к.

Его же. — Революционный вождь. 19 стр. Ц. 10 к.

Соболев, Юрий. — Ленин и современники. 12 стр. Ц. 5 к.

Сосновский, Л. — Ильич Ленин. 15 стр. Ц. 5 к.

Сталин, И. — Организатор и вождь Р. К. П. 16 стр. Ц. 5 к.

Стеклов, Ю. — Могила вождя. 16 стр. Ц. 5 к.

Тихонов, Ник. — Сами. С рисун. худож. Хигер. 9 стр. Ц. 5 к.

Троцкий, Л. — Ленин как национальный тип. 10 стр. Ц. 5 к.

Якубовский, Георгий. — Гений революции. 8 стр. Ц. 5 к.

Ярославский, Ем. — Ленин — теоретик и практик вооруженного восстания. 20 стр. Ц. 10 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА в магазинах Государственного Издательства:

Проспект 25 Октября, № 28, „Дом Книги“;

Проспект 25 Октября, № 13,

Проспект Володарского, № 53а.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА в Торговом Секторе Ленинградского Отделения Государственного Издательства.

Проспект 25 Октября, № 28, „Дом Книги“. Тел. 5-49-32 и 5-44-56

и в Московской Конторе Ленинградского Отделения Государственного Издательства

Москва. Тверская, 51. Тел. 3-92-07.

